

18+

Александр Булдаков

*Путь
по лезвию ножа*

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа

«Издательские решения»

Булдаков А.

Путь по лезвию ножа / А. Булдаков — «Издательские решения»,

«Жизнь — это лезвие ножа». Слова деда становятся судьбой Алексея Гордеева — парня из сибирского посёлка. Провал на экзаменах, Чечня, медаль «За отвагу», двадцать пять лет службы в ОБЭП, борьба с коррупцией и бандитами. Но главная тайна — прошлое: дневник деда, отравление, полковник Разгуляев. И лезвие, по которому придётся идти тридцать лет.

© Булдаков А.

© Издательские решения

Содержание

Путь по лезвию ножа	6
Пролог. Лезвие	7
Часть первая. Шаг влево	8
Глава 1. Корни	8
Глава 2. Золотая медаль — цена вопроса	10
Глава 4. Экзамены — первый удар	13
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Путь по лезвию ножа

Александр Булдаков

© Александр Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-0957-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путь по лезвию ножа

Повесть

Посвящается тем, кто каждый день идёт по лезвию, чтобы другие могли спать спокойно

Пролог. Лезвие

Посёлок Ручей стоял на краю тайги, словно присел передохнуть перед бесконечным зелёным морем, которое уходило за горизонт и терялось где-то в Забайкалье. Дома здесь были старые, рубленые, с резными наличниками, которые когда-то красили в голубой и белый, но краска давно облупилась, обнажив тёмное, выгоревшее на солнце дерево. Единственная улица тянулась вдоль ручья — мелкого, шумного, который дал посёлку имя. По весне он разливался так, что сносил мостки, и тогда ребятня бегала смотреть, как бурлит вода, перепрыгивая через поваленные брёвна.

Была суббота, конец августа 1999 года. Лето уже выдыхалось — тайга стояла жёлто-багряная, воздух прозрачный, холодный по ночам, в огородах убирали картошку. Пахло дымом от печей, которых топили уже по-осеннему, увядающей травой и прелым листом.

Лёха Гордеев проснулся затемно. Мать гремела на кухне кастрюлями — варила яйца, резала хлеб, заворачивала в ткань домашние пирожки с капустой. Отец уже ушёл на работу — молокозавод работал в три смены, Сергей Иванович водил фуру в Иркутск, уходил затемно и возвращался засветло.

— Сынок, — мать заглянула в комнату. — Я не поеду провожать. Больно это будет.

— Мам, ну чего ты? — Лёха сидел на кровати, протирая глаза. — Я ж не насовсем.

— Страшно мне, Лёня, — прошептала она и вышла.

Он не стал спорить. Мать боялась не города и не экзаменов — она боялась, что сын не вернётся. Как не вернулся её отец с войны? Нет, вернулся. Но другим. Или вот дед — ушёл из жизни за месяц, и никто не понял, что умирал он не от рака, а от чего-то другого, что затаилось внутри и ждало своего часа.

Лёха встал, умылся холодной водой из рукомойника, оделся в чистое — джинсы, свитер, поверх куртка. Взял рюкзак — старый, армейский, дедов. На дне лежала фотография деда в форме НКВД, на обороте — надпись, сделанная химическим карандашом: «Победителям не судят победителей. Но проигравших — тем более». Рядом с фотографией — завернутый в тряпицу «вальтер», который дед велел хранить. Лёха вынул его, подержал в руке. Холодный, тяжёлый. Не заряжен. Сувенир. Но грел душу.

Он положил пистолет обратно, застегнул рюкзак и вышел.

Ручей шумел. Раннее солнце пробивалось сквозь кроны сосен, золотя дорожку на воде. Лёха постоял на мосту, глядя, как вода бежит, перекачивается через камни, пенится у коряг. Тайга молчала. Только ветер шуршал в ветках, да где-то далеко стучал дятел.

— Ну, здравствуй, жизнь, — сказал он тихо и пошёл на остановку.

Автобус пришёл через десять минут, жёлтый, разбитый, с надписью «Ручей — Иркутск» на потрескавшемся стекле. Водитель, дядька Коля, курил, стоя у открытой дверцы.

— Гордеев? — узнал. — В Иркутск? На экзамены?

— Да, дядь Коль.

— Садись, — он кивнул в салон. — Дальних не будет, хорошо проедем.

Лёха сел у окна, слева, чтобы видеть тайгу. Автобус тронулся, взревел мотором, выкатился на трассу. Дома поплыли назад — сначала посёлок, потом поля, потом снова лес. Указатель «Иркутск — 380 км» мелькнул и исчез.

Он достал фотографию деда, поцеловал, спрятал в нагрудный карман.

«Юрфак, — думал он. — Вступительные. Общяга. Город. Новая жизнь».

Он не знал ещё, что это лезвие только начинается. И что идти по нему придётся тридцать лет.

Часть первая. Шаг влево

Глава 1. Корни

Посёлок Ручей возник в тридцатые годы, когда на берегу Братского водохранилища построили молокозавод. Рабочие приезжали со всей области, рубили дома, женились, рожали детей. Когда завод запустили, посёлок ожил — появились школа, фельдшерский пункт, клуб, где по выходным крутили кино. В войну мужики ушли на фронт, вернулись не все. Дед Лёхи, Владимир Фёдорович Гордеев, вернулся — кавалер двух орденов, старший сержант госбезопасности. Он попал в НКВД после демобилизации, в сорок шестом, и прослужил почти тридцать лет — сначала в Иркутске, потом в Усолье, потом на пенсии осел в Ручье.

Дед был суровым, молчаливым, но внука любил без памяти. Лёха проводил у него каждое лето — помогал по хозяйству, рубил дрова, чинил забор. Дед учил его стрелять из «вальтера» — холостыми, конечно, но тяжесть оружия в руке Лёха запомнил навсегда.

— В жизни, Лёнька, — говорил дед, раскуривая свою трубку — старую, венгерскую, с мундштуком из янтаря, — всё как на поле боя. Или ты стреляешь, или в тебя. Третьего не дано.

— А закон? — спрашивал Лёха.

— Закон, — дед выдыхал дым, и он тянулся вверх, растворяясь в воздухе, — закон — это дубина. Сильный бьёт слабого. Справедливость — она не в законе. Она в голове. И в совести.

Мать Лёхи, Лидия Петровна, работала фельдшером в ФАПе — единственном медицинском учреждении на три деревни. Люди шли к ней с любыми болезнями — от насморка до инфаркта. Она ставила уколы, зашивала раны, принимала роды. Платили восемьсот рублей плюс надбавка за стаж — тысяча двести. На эту тысячу двести надо было прокормить троих, одеть сына-студента и ещё помогать свекрови — бабушке Полине, которая жила на другом конце посёлка и отказывалась переезжать.

— В городе людей нет, одни функции, — говорила бабушка. — А здесь хоть ручей говорит. По мне, так лучше ручей, чем телевизор.

Отец, Сергей Иванович, в отличие от деда, был неразговорчив. Высокий, сутулый, с мозолистыми руками, он проводил за рулём двенадцать — четырнадцать часов в день. Домой возвращался уставший, молча ужинал, садился в кресло у телевизора и засыпал до следующего утра. Но когда надо было — он мог починить всё: и лодку, и печь, и холодильник, и трактор. Золотые руки, говорили соседи. Только язык без костей у него не вырос.

Лёха учился в школе без троек, но и без пятёрок особых не хватал. Легче всего ему давались история, обществознание и литература. Учительница литературы, Светлана Анатольевна, маленькая сухонькая женщина с пучком седых волос и живыми, молодыми глазами, часто оставляла его после уроков.

— Гордеев, — говорила она, — вы знаете, почему Раскольников убил старуху?

— Из-за идеи, Светлана Анатольевна.

— А какая идея?

— Что сильные имеют право.

— А Достоевский что хотел сказать?

— Что это не так.

— Правильно, — она кивала, гладила его по плечу. — У вас чутьё на правду. Не теряйте его.

Лёха переживал за героев Достоевского, как за живых людей. Князь Мышкин казался ему идеальным судьёй — человеком, который видит правду независимо от обстоятельств, который

прощает и понимает. Но к концу романа Лёха понял: Мышкин слишком слаб для этого мира. Он раздавлен, он сошёл с ума. А правда осталась ничьей.

«Нужен кто-то другой, — думал Лёха. — Кто-то с характером».

Откуда было знать ему, что этот «кто-то» — он сам.

Глава 2. Золотая медаль — цена вопроса

За месяц до выпускных дед слег. Резко. Не жаловался никогда — даже когда простреливал поясницу, даже когда кашель раздирал грудь, — а тут лёг и не встал.

Мать возила его в Усолье-Сибирское, в диагностический центр. Вернулась заплаканная, молчаливая. Села на кухне, долго смотрела в окно.

— Ну что? — спросил отец.

— Рак, — выдохнула она. — Лёгкие.

— Сколько?

— Месяц. Может, два.

Лёха услышал этот разговор из коридора. Спрятался за косяком, чтобы не видели. Горло сжалось, в глазах защемило. Он не плакал со второго класса, когда умерла его любимая собака, но сейчас слёзы подступили сами.

Дед, когда узнал свой диагноз, попросил принести старый «вальтер». Лёха залез на чердак, разрёб коробки, нашёл пистолет, завёрнутый в промасленную ветошь. Спустился вниз. Дед долго крутил оружие в высохших руках — поворачивал так и этак, смотрел на свет, проверял механизм.

— Не заряжен, — прошептал. — Жалко.

— Дед, зачем тебе пистолет?

— Отдай внуку, — сказал дед матери, которая стояла в дверях с полотенцем в руках. — Лёньке. Прямо сейчас.

Мать закричала:

— Ты что, старый дурень, зачем парню оружие в руки суёшь? Он ещё ребёнок!

— Не ребёнок, — спокойно сказал дед. — Он уже мужчина.

Лёха взял пистолет. Холодная сталь легла в ладонь не в первый раз, но сейчас это было по-другому. Словно дед передавал ему что-то большее, чем просто оружие. Словно передавал ему — свою ношу.

— Спрячь, — сказал дед. — Пригодится.

Дед умер в середине мая. В тот день было солнечно и тепло, цвела черёмуха, и весь посёлок наполнился сладким, чуть горьковатым запахом. Лёха сидел в школьном классе на последнем уроке, когда в дверь постучала классная руководительница и жестом позвала его в коридор.

— Гордеев, — сказала она тихо. — Тебе домой надо.

Он уже всё понял по её лицу.

Отпевали деда в местной церкви — деревянной, покосившейся, но с удивительно чистым звоном колоколов. Село пришло почти всё — уважали Гордеева, хоть и знали, что он из НКВД. На похороны приехали какие-то люди в дорогих плащах — из Усолья, из Иркутска. Чёрные «Волги», серьёзные лица. Они молча постояли у гроба, молча уехали. Никто из местных их не знал.

Отец потом сказал:

— Это старые дедовы дела. Не лезь.

Лёха не полез. Но запомнил лица. Двое из них — те, что стояли ближе всех к гробу — запомнил особенно. Один — высокий, седой, с носом-картошкой и серыми глазами. Второй — ниже, плотный, с лысиной и родинкой на щеке.

Он поклялся на могиле деда, что поступит на юрфак. Станет человеком в погонах — неважно, милиция, прокуратура или суд. Но будет там, где решаются судьбы.

— Я всё сделаю, дед, — прошептал он. — Обещаю.

Экзамены он сдал неплохо — четвёрки и пятёрки. Медаль ему прочили серебряную — несколько четвёрок в аттестате, русский язык четыре, физика четыре. Но директор школы, Сергей Александрович, бывший военный, позвал его к себе перед педсоветом. Сидел за столом, крутил в руках шариковую ручку, смотрел на Лёху поверх очков.

— Гордеев, у тебя по физике четвёрка, да?

— Да, Сергей Александрович.

— А по физике у тебя кто? Козырева. Зинаида Павловна. Она в отпуске по уходу за внуком. Вместо неё у нас — ставьте ноль — математик Берсенов. Берсенов, будь он неладен, поставил тебе четвёрку. А ты физику знаешь на пять. Я сам тебя экзаменовал.

— Я не спорю, Сергей Александрович.

— Вот и не спорь. Я звоню Козыревой, она пишет заявление на пересмотр. Всё законно. Медаль будет золотая. Ты понял?

Лёха понял. Медаль — это бонус при поступлении, три балла. Иногда они решают всё.

Так аттестат украсился золотом, хотя золота там было — на пять километра тайги.

«Всё по закону, — подумал Лёха. — Дед бы одобрил».

Дед, если честно, вряд ли бы одобрил. Но деда не было.

Последний звонок отзвенел под дождём. Лёха стоял на линейке в белой рубашке — единственной приличной, купленной матерью на рынке в Усолье-Сибирском, за пятьсот рублей — и смотрел на тайгу за посёлком. Тайга молчала. Только дождь шелестел по листве.

Ему казалось, что лес шепчет: «Уезжай. Уезжай, пока не поздно».

Он и уехал.

Глава 3. Иркутск — город, который не ждёт

Иркутск встретил его запахом бензина, ангарской сырости и жареных пирожков с автовокзала. Автобус подкатил к зданию вокзала на улице Октябрьской Революции — бетонному, серому, заляпанному объявлениями. Людей было столько, что Лёха на минуту растерялся — бичи в выцветших телогрейках, цыгане с детьми, кавказцы с пакетами, студенты с рюкзаками, военные в форме — всё это мелькало перед глазами, шумело, говорило на разных языках.

— Парень, куда тебе? — подошёл невысокий чернявый мужчина с бейджиком такси. — Молодой, симпатичный. Может, подвезу?

— В ИГУ, на набережную.

— Пятьсот рублей.

— Дорого.

— Четыреста.

— Я лучше пешком дойду.

Лёха развернулся и пошёл. Карта в голове была — он изучал Иркутск по атласу неделю перед отъездом. Через десять минут он вышел на улицу Ленина — главную улицу города. Дома здесь были старые, купеческие, с резными наличниками и коваными решётками, с балконами, на которых когда-то гуляли жёны купцов, а теперь сушилось бельё. Эти дома соседствовали с мрачными брежневскими многоэтажками — серыми, обшарпанными, с облупившейся краской.

Город казался странным, нелогичным — красивым и уродливым одновременно. Как Россия, подумал Лёха. Такая же противоречивая. Такая же непонятная.

Иркутский государственный университет находился на бульваре Гагарина, прямо у самой Ангары. Здание было сталинским — с колоннами, лепниной, барельефами. Высокие двери из тёмного дуба, массивные ручки. Лёха остановился, прочитал табличку: «Иркутский государственный университет. Основан в 1918 году».

Ему стало одновременно торжественно и страшно.

Общежитие дали без проблем — по временной прописке, которую оформили в паспортном столе университета. Комната на четверых на улице Чкалова, прямо за железнодорожным

вокзалом, в здании старого фонда — высокие потолки, лепнина на стенах, но обои выцветшие, полы скрипят.

Соседи: Вован из Усть-Илимска — тощий, с прищуренными, хитрыми глазами и повадкой бывалого человека, хотя ему было всего восемнадцать; Артём из Нижнеудинска — молчаливый, накачанный, с квадратной челюстью и татуировкой на плече (якорь, сделанный, судя по всему, в домашних условиях); и Саша из Иркутска — «местный», у которого были ключи от всех дверей и который никогда не ночевал в общежитии, но вещи держал на третьей койке — пара джинсов, три рубашки, кроссовки.

Вован оказался главным «адаптатором». Едва Лёха закинул рюкзак на свободную койку, тот протянул ему сигарету:

— Куришь?

— Нет.

— И правильно. Привычка вредная, денег стоит. А пиво?

— Не пью.

— И это правильно. А что же ты делаешь-то, философ?

— Сдаю экзамены.

— Мы все сдаём. Вопрос — как. Ты проходные баллы прошлого года смотрел? Девятнадцать человек на место. Пятнадцать бюджетников, три целевых, один — по медали. Короче, надо дружить с нужными людьми.

— Какими нужными?

— Отец у меня, например, лесник. Он ни при делах. А у Артёма — дядя в прокуратуре Свердловского района. Он уже почти поступил. А ты?

— У меня медаль.

Вован хмыкнул.

— Медаль. А знаешь, сколько у нас таких медалистов? Третий потока. Золотые, серебряные — коробками. Тут не школой пахнет, Лёха. Совсем другая жизнь.

Лёха начал готовиться.

Глава 4. Экзамены — первый удар

Первое испытание — русский язык. Лёха написал сочинение на тему «Роль языка в сохранении культурного наследия», привёл примеры из Пушкина и Бунина, написал грамотно, с чувством. Результат — 92 балла из 100. Отлично.

Он возвращался в общежитие и почти бежал — легко, свободно, впервые за долгое время чувствуя, что всё получится. Вован встретил его на лестнице:

— Поздравляю. А теперь готовься к обществознанию. Завтра через день.

Обществознание — через три дня. Лёха всё это время сидел в библиотеке имени Молчанова-Сибирского — огромной, с высокими потолками и запахом старых книг. Перечитывал учебники, решал тесты, писал пробные эссе. Ночью в общежитии, при тусклом свете настольной лампы — свет в комнате не выключали, Вован спал при свете — зубрил статьи Конституции, КоАП, УК.

Вован смотрел на него с койки, качал головой:

— Ты чё, мужик, конь педальный? Там списать можно. Я договорился.

— С кем?

— Да есть одна тётка в методическом отделе. Она выдаёт бланки с пометками. Схема работает, не ссы. Триста рублей — и ты сдал.

— Не пойду на это.

— Ну как знаешь. Твоё право.

Лёха не пошёл.

На экзамен он пришёл в чистой рубашке, при галстук — отцовском, чёрном, единственном, который висел в шкафу и пах нафталином. Галстук был широкий, старомодный, но Лёха завязал его узлом, который когда-то показывал дед — «полувиндзор».

В аудитории было шумно — абитуриенты перешёптывались, шуршали шпаргалками, кто-то плакал в углу. Пахло потом, дешёвым одеколоном и бумагой.

Принимали три человека.

Седой профессор с лисичьим лицом — доцент Барков. Невысокий, сутулый, с редкими волосами, зачёсанными на лысину, с тонкими губами и маленькими глазками-буравчиками. Он сидел в центре, крутил в пальцах авторучку, оглядывал аудиторию с таким видом, будто видел перед собой не абитуриентов, а провинившихся школьников.

Молодая женщина с усталыми глазами — старший преподаватель Ковальчук, лет тридцати пяти, с каштановыми волосами, собранными в пучок, и тёмными кругами под глазами.

И какой-то аспирант-практикант — совсем молодой, в очках, с прыщавым лицом и вечно взволнованным выражением.

Барков объявил правила голосом, не терпящим возражений:

— Два задания, время — три часа. Пользоваться телефонами запрещено. Шпаргалки — основание для удаления. Начали.

Лёха взял бланк, перевернул, прочитал тему сочинения: «Роль права в регулировании общественных отношений: современные вызовы».

Хорошая тема.

Он глубоко вздохнул и начал писать.

Он писал уверенно, размашисто — приводил примеры из истории Древнего Рима, ссылался на Цицерона и Локка, сравнивал российское законодательство с европейским, рассуждал о правовом нигилизме и о том, что без уважения к закону невозможно построить правовое государство. Через два часа черновик был готов.

Лёха потянулся, размял шею. Оставалось переписать текст на чистовой бланк.

И тут аспирант, проходя между рядами, зацепился ногой за рюкзак Лёхи, который лежал под стулом. Рюкзак опрокинулся, и из бокового кармана выпала сложенная вчетверо бумажка.

Это не была шпаргалка. Это был список основных дат по теории государства и права — например, 1917 год, 1936 год, 1977 год — которые Лёха боялся перепутать. Он не пользовался этим листком, просто держал на всякий случай в отдельном кармане.

Аспирант поднял бумажку, развернул, пробежал глазами. Улыбнулся — нервно, натянуто.

— Это что?

— Справочный материал, — спокойно ответил Лёха. — Я на него не смотрел.

— А зачем он здесь?

— На всякий случай.

Аспирант пошёл к столу Баркова. Наклонился, что-то прошептал. Барков взял бумажку, пробежал глазами, затем подозвал женщину. Они о чём-то переговорили, Ковальчук пожалала плечами, вздохнула.

Барков поднялся:

— Абитуриент Гордеев, попрошу вас выйти.

— Зачем?

— Выйдите, я сказал.

Лёха вышел в коридор. Сердце колотилось где-то в горле. Он знал, что сейчас произойдёт, но надеялся до последнего.

Через минуту появился Барков.

— У вас обнаружена шпаргалка. Это нарушение правил. Экзамен будет аннулирован.

— Это не шпаргалка. Это мои личные записи.

— Записи, использованные письменные материалы, не предусмотренные правилами — это и есть шпаргалка. Если хотите, мы можем оформить протокол.

Лёха сжал кулаки так, что побелели костяшки. Внутри всё кипело — обида, гнев, несправедливость стояла комом в горле. Но он вспомнил деда: *«Не нарывайся, Лёня. Тишина — лучший боеприпас»*.

— Выносите протокол, — сказал Лёха. — Я буду писать апелляцию.

— Как хотите.

Протокол оформили. Экзамен по обществознанию оценили в 0 баллов. В приёмной комиссии сказали: «Апелляцию можно подать в течение трёх дней».

Три дня Лёха почти не спал. Он распечатал правила приёма, нашёл пункт об использовании дополнительных материалов, проконсультировался в юридической клинике при университете. Студент-консультант — лохматый парень с веснушками и в очках — посмотрел его бумаги и вздохнул:

— Нормативно — вы правы. Запись дат — это не шпаргалка. Но Барков — старый хрыч с характером, и комиссия будет на его стороне. Шансов мало.

— Пусть.

На апелляционной комиссии Лёха изложил свою позицию чётко, с опорой на пункты правил, с цитатами, с логическими выкладками. Барков багровел — лицо наливалось кровью, руки тряслись.

— Молодой человек, — перебил он, — вы мне не будете указывать!

— Я не указываю. Я апеллирую к букве закона.

— К букве закона? — Барков усмехнулся. — Закона! Вы знаете, что такое закон? Закон — это то, что мы здесь решим. А мы решили, что вы нарушили правила.

Комиссия проголосовала — единогласно оставить решение в силе.

Лёха вышел на улицу, сел на скамейку у набережной и долго смотрел на Ангару. Река текла спокойно, равнодушно. По воде плыли баржи, кричали чайки, ветер гнал рябь. Ей было всё равно.

Через неделю пришли результаты поступления. Проходной балл на бюджет — 248. У Лёхи — 92. Он даже не прошёл в категорию «льготников» — туда брали с 180 баллами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.